А.И. Васильев

«Искусственный интеллект» назначен человеку и обществу эволюционно

Данная статья представляет развитие мыслей автора (недавно изложенных на стр. АТ), обусловленное общественной актуальностью темы «искусственного интеллекта», её популярностью. Указанное в заглавии «назначение» выясняется при исторически глубоком исследовании процессов формирования сознания человека и, соответственно, сознания общества, мышления и, стало быть, интеллекта. Рассматривая по многим этнографическим и научно-историческим исследованиям первичные стадии развития человеческого общества, мы видим эти процессы и детерминацию ими всего общественного развития. Мы видим, что кроме образов естественного, человечески адекватного отражения естественной реальности возникали и развивались, укреплялись в социальной памяти и сознании индивидов и искусственные образы, - рожденные непосредственно сознанием индивидов. Эти процессы обусловили, как известно, рождение и развитие различных символов (тотемов), мифов, мифологических обрядов и первых религиозных учений [15; 44; 45; 47; 48; 52; 60; 61; 87]. Таким образом, от начал антропосоциогенеза происходило взаимодействие естественной реальности и искусственной, - рожденной и развиваемой интеллектуальной жизнедеятельностью человека. В современной «Новой философской энциклопедии» (НФЭ) мы находим соответствующую статью, - к сожалению, слишком краткую, не соответствующую великому опыту общественного развития. Выделим в ней следующие фразы и попытаемся далее развить обозначенную тему статьи.

«Различают также естественную и искусственную реальности. В широком смысле искусственной реальностью являются все продукты осознанной человеческой деятельности — науки, техники, философии, литературы, театра, живописи, музыки и т. д. К естественной реальности относится все то, что остается за вычетом искусственной реальности. С появлением компьютерных технологий стало интенсивно разрабатываться представление о новом типе искусственной реальности — виртуальной реальности.

Эволюция человеческой цивилизации имеет тенденцию к поглощению естественного искусственным. Это проявляется в создании множества опосредствующих звеньев между естественными способностями и потребностями человека и искусственными формами их проявления и удовлетворения (подч. – А.В.).

Развитию искусственной реальности в значительной степени способствует увеличение численности населения Земли. Воспроизводство человека нуждается в усложнении системы внутрипопуляционных связей, что объективно потребует создания все более сложных форм искусственной реальности».

Понятие *искусственного* вытекает, таким образом, из понятий *искусства*, сложившихся по ходу исторического развития деятельностей человека, определяемых текущим сознанием и интеллектом, то есть, в общем плане, оно отражает обусловленность всех искусственных продуктов интеллектуальной деятельностью человека, независимо от назначения этих продуктов в человеческом и общественном развитии. В соответствующей статье НФЭ говорится, например:

«Термином «искусство» издавна обозначают не только художественные произведения, продукты художественной деятельности, но также и «искусность», «мастерство», «артистизм», «виртуозность», проявленные в любой другой сфере сознания и деятельности (в ремесле, науке, технике и т. д.) – (что позволяет обозначать и саму деятельность человека, отличную от естественной жизнедеятельности, термином «искусственная», а продукты её искусственными), – А.В.). В отличие от англ. «art» и нем. «Kunst» русское слово «искусство» отличается многозначностью смысла и оттенков: это и испытание, и соблазн, и прельщение, и навык или опыт (знание вкупе с умением), и все виды художеств в собственном смысле слова (литература, музыка, живопись, танец и др.). Определение искусства выкристаллизовывалось в ходе эволюции понятий, обозначавших родственные или близкие явления и свойства. Так, напр., греческое слово «tsjcvn» («техне») было наименованием одновременно науки, ремесла и искусства, объединяемых по критерию их принадлежности к «целесообразной», «идейно осмысленной», «модельно-

порождающей» деятельности. Фиксируя эту особенность термина, А. Ф. Лосев выделил его значение для характеристики чисто эстетической и художественной деятельности: у Аристотеля «хехvm» буквально значит «искусства» (См.: Лосев А. Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика, ч. 3. М., 1975, с. 355-423).

Вычленение искусства в качестве самостоятельной категории и феномена человеческого опыта в античной эстетике происходило путем сопряжения и сопоставления искусства и природы, искусства и морали, реального и идеального начал, научного понятия и художественного образа и т. д. Вопрос «что такое искусство?» становится лейтмотивом всей последующей истории эстетической мысли, пытавшейся ответить на него, учитывая новые данные наук (биологии, психологии, археологии, этнографии и т. д.) и применяя различные подходы. Понятие искусства до сих пор является предметом давно начатого спора относительно его «широкого» и «узкого» применения».

Многие научные сведения по затрагиваемой здесь и далее тематике дает монография И.О. Александрова [1] с большой библиографией к ней и некоторые другие научные работы включенные в прилагаемую ниже библиографию. К сожалению, И.О. Александров не рассматривает отдельно понятие *искусственного* и, соответственно, искусственные процессы формирования интеллекта, само понятие его, хотя и использует эволюционно-системный подход, рассматривает некоторые аспекты формирования ***языка*** и некоторые особенности знаний в техно-интеллекте, - который называет искусственным. На с. 96 он приводит лишь мысль М.А. Холодной: «М.А. Холодная связывает кризис в изучении интеллекта со «сложностями в уяснении онтологического статуса понятия “интеллект”», который описывается через перечисление свойств (Холодная, 2002а, с. 75). Развиваемый ею подход она называет «онтологический подход к изучению интеллекта» (Холодная, 2002г, с. 16). Разрешение кризиса, по ее мнению, состоит в развитии представления об интеллекте как свойстве носителя — индивидуального ментального опыта, который в соответствии с этой концепцией обладает статусом существования».

Из кратких определений *знаний* в искусственном интеллекте, приводимых И.О. Александровым (с. 102 и др.), можно заключить, что любой интеллект функционирует на основе знаний, - можно считать, парадигмальных (как правило), и в среде, в структурах знаний.

Попытаемся далее выяснить искусственность в эволюционно-историческом формировании языка, мышления и, стало быть, интеллекта человека, то есть искусственность и в общественном развитии, - понимая под искусственностью, прежде всего, функционирование интеллекта, детерминированное самым первым «искусственным» его продуктом – языком, и обусловленность происхождения всех новых продуктов интеллектуальной деятельности человека предыдущими искусственными продуктами, - зафиксированными в памяти, в структурах сознания [1]. «Искусственное» по Аристотелю – это не природное по происхождению. Формирование, развитие и функционирование интеллекта (того, что обозначено этим словом) в общественных условиях – это уже не природные процессы, а специфически человеческие, зависимые от его жизнедеятельности в этих условиях, от взаимодействий с другими индивидами и общественными органами, от социализации в раннем возрасте и многих других процессов. В этом плане полезно рассмотреть развитие древнего человека в природных условиях, в условиях стаи. Его язык и интеллект, - как совокупность способностей (свойств) генерации звуков и движений, производства чего-либо нового в окружающей реальности, следует считать в этих условиях естественным. С некоторых пор социальная организованность жизни каждого человека стала всё более способствовать и содействовать развитию интеллектуальной деятельности человека в определенных направлениях: эмоциональном, изобразительном, умственном и прочих. В результате философского отражения и обобщений различных деятельных способностей человека или организованной группы, специфических деятельностей установились понятия «искусственности», «искусства» и прочие, различающие все деятельности по тем или иным характеристикам (Аристотель и др.). Искусственность чего-либо и искусство как характер и сфера специализированной деятельности стали выделяться в обществе без осознания исходной и последующей в истории этнической (эволюционной) и социальной детерминации

соответствующих деятельностей. В историческом социальном развитии деятельностей произошло также смешение естественных способностей человека с социально развитыми, все выдающиеся способности человека в той или иной деятельности стали называть искусством. Все эволюционно-исторические процессы становления и развития «интеллектуальных» (в современном понимании) деятельностей надо рассматривать, конечно, более подробно, с привлечением соответствующих этнографических и прочих исследований. Здесь, в рамках статьи, ограничимся пока авторским взглядом на «искусственность», «искусственное». Данное историческое, терминологическое выделение тех или иных действий, деятельностей человека и продуктов деятельности отражает, в сущности, общую социальную, культурную и прочую детерминацию их (начиная с языка), а не исключительно природную, в том числе природную одаренность человека-деятеля. Хотя на основе общего понимания искусства в ранней истории к нему относили и то, что было обусловлено в основном природными качествами человека.

Краткий анализ искусственности, происхождения этого понятия и производных от него, устойчивое использование их в общественном развитии выводят нас, можно сказать, к неожиданному выводу – к пониманию человеческого общества, - от начальных устойчивых форм его существования, в качестве искусственно организованной *живой целостности*, - организованной на естественной базе Природы и человека посредством действия нового, социального фактора эволюции жизни на Земле, которым, несомненно, следует считать ***интеллект*** (термин обобщения информационных свойств человека в социальной жизнедеятельности). Во всех соответствующих эволюционных актах земной жизни гоминидов происходило образование этих живых целостностей, их адаптивное закрепление в окружающей среде и развитие посредством интеллектуальных свойств, движений и взаимодействий человеческих индивидов, ставших не только индивидуально развивающимися особями, но и человеческими структурно-функциональными единицами (ЧСФЕ) в возникших *живых системах* нового эволюционного уровня [17; 66]. Системно анализируя древнюю историю общественного развития, мы видим как естественное развитие, обусловленное фундаментальными законами жизни, живых целостностей в человеческом воплощении, всё более определялось искусственными процессами, рождаемыми и развиваемыми интеллектуальной активностью гоминидов-лидеров [5; 44; 45]. Особо сильное искусственное воздействие определилось, как хорошо понятно, интеллектуальной выработкой денег как средств обмена, а затем и средств накопления индивидуальных богатств. Оно вызвало, можно сказать, товарно-денежные и рыночно-капиталистические «смерчи» (в историческом масштабе), и войны, опустошающие земные ресурсы) [22; 23; 35].

Эти предельно общие выводы переводят наше мышление на новый, более высокий уровень исторической рефлексии, к мышлению о «социальной тектологии» (которую начинал разрабатывать А. Богданов в направлении общей тектологии) и, соответственно, к мышлению о современном кризисе социологии и ее продукта (по функциональному назначению) – «обществознания» [50; 77]. Исходя из естественно-искусственной природы общества и общих закономерностей, законов, наследованных им, над Социологией, - исследующей (по сложившемуся назначению) текущее развитие общества (каким бы оно ни было), должна возвышаться (в классификации наук) «Тектология и системология общества» [13; 17; 38; 55; 73]. Богданов разрабатывал «социальную тектологию» в русле «общей тектологии», не обозначая это направление в качестве высшей социальной науки (господствовал марксизм). Надо заметить, что место высшей социальной науки в СССР практически заняла и до сих пор занимает «экономика» («политика есть концентрированное выражение экономики»), - именно она определила пресловутую перестройку. В то же время «экономику» как совокупное знание, определяющее всё развитие общества, судя по его происхождению, многим противоречиям природе человека и общества, - от начального формирования этого знания [35; 36], и многим общественным потерям (от начала его использования), нельзя считать общественно рациональным. Таким образом, единое гражданское (по назначению) «обществознание», традиционно подчиненное «экономической политике», не соответствует объективным требованиям к интеллекту существующих и будущих созидателей наиболее совершенного, могущественного и благоприятного общества. На взгляд

автора, оно должно быть заменено адекватным «Введением в социально-гуманитарные науки», как интеллектуальные структуры прогрессивного общественного сознания, тем более что научно адекватное представление даже основ «обществознания» возможно лишь после изучения необходимого для этого комплекса взаимосвязанных знаний, то есть после общего образования. Затрагиваемая данной статьей тематика, хотя и остро актуальна, но является, конечно, сверхбольшой и сложной, поэтому здесь надо ограничиться лишь ссылками на избранные научные работы и кратким обзором некоторых направлений и аспектов искусственно-интеллектуальной детерминации (научно-философской, властно-экономической и технической) общественного развития, в основном отечественного.

Познание происхождения и социального развития «интеллекта» полезно начинать с изучения развития ребенка, развития его интеллекта, начиная с овладения языком и искусством речи, - важнейшим информационным средством интеллектуального и прочего развития. Внимательно наблюдая и осознавая (на основе современных знаний о нейрофизиологии) процессы обучения произношению слов, выражающих образы сознания (с копированием и воспроизводством ротовых движений и звуков речи обучающего), надо видеть и сущность – семейно-социальную детерминацию, то есть искусственность (на основе естественных средств) формирования в сознании ребенка определенных ассоциаций, «библиотек» (в компьютерной терминологии): предметно-стационарных (статический предмет – слово); динамических (образы движения – слова); отношений (предметов, предметов и движений, и пр.); и прочих. В каждом этносе эти ассоциации (библиотеки) свои, - использующие свой язык, свою фонетику и прочие составляющие речи, свои средства её развития и развития соответствующего мышления на базе своей письменности. Человек начинает мыслить с определенного возраста (неск. лет), спонтанно, когда сознание наполняется языковыми библиотеками, образами отражения реальности и между ними устанавливаются определенные причинно-следственные и прочие логические связи (некоторые дети эмоционально отмечают и запоминают этот удивительный жизненный переход к мышлению).

Таким образом, мы можем реконструировать и первичные эволюционные процессы возникновения, развития и закрепления в групповом и общественном сознании определенного языка, а позже и письменности, - как первые когнитивные процессы, этнически (эволюционно) и социально детерминированные, в каждом этносе свои. В древности, несомненно, были лидеры в этом когнитивном творчестве (как и в других видах деятельности), которые обучали других индивидов и определяли, таким образом, их развитие, общее развитие этноса, общины [5; 44; 45] (и мн. др.). Рассматривая развитие индивидуального сознания в современном обществе, - посредством естественных и традиционных, искусственных процессов отражения окружающей реальности, взаимодействий с другими индивидами и отражения этих взаимодействий, процессов воспитания, обучения, общего и специализированного образования общественно значимой деятельной личности (актора), надо видеть, среди прочего, и то, что развитие интеллекта детерминируется всеми процессами общего развития сознания. То есть, функционирование интеллекта, а следовательно, и жизнедеятельность, функционирование индивида в общественных системах определяются не только естественными (организменными) процессами развития его сознания, но и во многом искусственными процессами, образами, символами и пониманиями. Многие «образцы» индивидов современного общества, особенно в молодых поколениях, в известных странах, позволяют констатировать, что интеллект современных граждан, уже с детских лет является во многом искусственным, - сформированным искусственными процессами воспитания и обучения с использованием искусственных образов и понятий (мифов и пр.).

Научные исследования процессов формирования индивидуального сознания, мышления и интеллекта (которые можно научно обоснованно перенести и на развитие общественного сознания, интеллекта специализированных организаций) представлены в научных работах института психологии РАН и других [1; 24; 75; 82; 87; 92]. На основе этих научных исследований и хорошо видимых уже (многие годы) «девиантных» отклонений в этом плане, - от социальной нормальности, общепринятой этики, можно и, думается, общественно необходимо уже подняться

в системно-рефлексивном мышлении к уровню формирования общественно целесообразного сознания и интеллекта.

О первых процессах формирования и развития сознания человека в праобщественных и общественных условиях мы можем теперь узнать из многих этнографических исследований [5; 44; 45; 60; 61]. Эти процессы, еще до формирования языка, как средства вербального взаимодействия, происходили на основе естественных, природных предметов и явлений, а позже и посредством индивидуально выработанных «лидерами» искусственных, жестовых и вербальных организующих средств, - всеобщих когнитивных средств (в современной терминологии). Они формировали нормы поведения, целевой жизнедеятельности индивидов и их групп, прежде всего, в потреблении и в добывающей, производительной деятельности.

Наиболее эффективным информационным средством для общественного развития, - со многими положительными и отрицательными обратными связями через индивидуальное отражение и развитие индивидуальной жизнедеятельности явился, как известно, **язык,** - несомненно, продукт раннего интеллекта человека. Этнографические и прочие исследования позволяют констатировать, что все языки народов мира имеют именно интеллектуально-этническую, социальную природу, то есть являются искусственными информационными средствами. Искусственность каждого из них подчеркивается тем, что все они существенно разные [5, с. 20-25]. Она видна и в исследовании всех исторических изменений, которые претерпели языки в мировом сообществе. Естественными являются лишь звуки, образуемые «звуковым аппаратом» человека, - одинаковым во всех этносах, с несущественными отличиями, как и внутри каждого. В этом плане полезно обратить внимание на возникшую популярность «озвучивания» вместо «высказывания» (по примеру одного из выступающих с высокой трибуны). Озвучивали свои мысли, образы сознания древние люди, в процессах интеллектуальной выработки языка и речи с его использованием. Древние процессы генерации звуков развились и в пение, в искусство пения. Искусством речи и пения овладевают и современные дети. Таким образом, современные «озвучиватели» мыслей неосознанно унижают себя до дикарей или детей, овладевших общим искусством речи.

Судя по публикациям, сохраняется, однако, взгляд на язык (человека и общества) как естественный продукт эволюции (в БСЭ отмечается даже стихийность, спонтанность его происхождения). Соответственно, установлен и сохраняется термин «естественный язык», - в разных этносах и при общих естественных условиях свой (?). Но в действительности, - и это подтверждается многими исследованиями, язык следует считать грандиозным по значению продуктом творческой (искусной) когнитивной деятельности первых антропосоциальных живых целостностей (АСЖЦ) [5; 44; 45; 52; 61], - обозначенных известными словами-терминами во всех языках мира. Естественные языки имели место в стайном образе жизни гоминидов. Поэтому начальные социальные языки мира правильнее называть «архаичными», а современные общегражданские – национальными, - в общем применении, и нормативными, - в специализированных сферах применения, в сферах общественного сознания и мышления.

Обратимся к НФЭ. В соответствующей статье мы находим, например, такую фразу, в которой не со всеми выводами можно согласиться:

«Как и любое общественное явление, язык подвержен изменениям во времени, образующим историю языка. В своей совокупности они составляют эволюцию языка, имеющую две характерные особенности. Одна из них состоит в том, что если язык является естественным (английским, русским, китайским и т. д.), то его эволюция спонтанна и полностью отлична от изменений, происходящих по заранее обдуманному плану. Никто не может контролировать изменения, происходящие в естественном языке, их можно только осознавать, фиксировать, изучать и использовать. Вторая особенность эволюции естественного языка — крайне медленный темп происходящих в нем изменений. Все другие изменения в обществе происходят быстрее, поэтому их результаты даже на длинных интервалах времени могут быть зафиксированы практически в одном и том же языке и стать понятными людям различных поколений и даже эпох».

Оставляя критические замечания читателям, надо заметить (на базе современных явлений в языке), что язык, - как важнейшая информационная основа общественного сознания и мышления, человеческого и общественного интеллекта (интеллекта ведущих акторов общественного развития), должен (конституционно-правовым образом) контролироваться, сохраняться и общественно целесообразно развиваться. Отсутствие должной организации и исполнения этих процессов привело уже не только ко многим иррациональным изменениям, - например, к «озвучиванию» вместо адекватных высказываний (даже с высоких трибун), но и к исчезновению многих понятийных связей между разновозрастными и специализированными группами населения.

Но, рассмотрим указанную статью далее:

«Язык тем сложнее, чем обширнее задаваемая им «картина мира», существующая в неявной форме (из-за спонтанности возникновения и последующих изменений языка). В явном виде эта сложность проявляется, когда носитель языка пытается высказать нечто для себя новое, передать дополнительный оттенок мысли, учесть влияние контекста на содержание значения, а также в процессах перевода с одного языка на другой. С неявностью «картины мира», присущей языку, связаны все принципиальные трудности, возникающие при автоматическом (машинном) переводе.

В искусственных (формализованных, - А.В.) языках «картина мира» (универсум) проще и задается в явном виде, поскольку он специально и целенаправленно строится человеком для решения тех или иных ограниченных задач. При этом построение искусственных языков предполагает использование естественного (национального, - А.В.) языка в том или ином виде. Примером может служить язык математики, представляющий собой фрагмент естественного языка, пополненный рядом специальных понятий, правил построения математических объектов и правил рассуждения (доказательств).

Естественный язык, напротив, функционирует самостоятельно, независимо от искусственных языков. Однако в одном важном отношении естественный язык сильно зависит от технологических новаций, связанных с искусственными языками. Это происходит, когда естественный язык используется в качестве средства общения в глобальных информационно-компьютерных сетях (напр., в Интернете). Влияние пространственной разделенности на процесс общения в этом случае сводится до минимума, а число собеседников может расти неограниченно. Такая вовлеченность языка в социально-технологический прогресс, не увеличивая темпы собственно языковых изменений, делает язык важным орудием в постоянном обновлении человеческой культуры. *В. Н. Костюк».*

Приведенный выше краткий обзор энциклопедий показывает, что уже языковая искусственность сознания и мышления, и тем более языковая детерминация развития функциональной структуры сознания (интеллекта) от древнего человека до современного говорят об эволюционном предназначении развития человека и общества посредством искусственных человеческих интеллектов, - функционирующих на основе естественных процессов организма и исторически сформированных сознаний, индивидуальных и общественного. Это подтверждается теперь великим множеством научно-исторических, этнографических и прочих научных исследований (см. библиографию). Благодаря языку человечество получило известные сферы интеллектуального искусства, к которым, несомненно, надо относить и философию, и науку (см. великую историю возникновения и развития интеллектуальной деятельности). Согласно этимологии (см. НФЭ), слово-термин *философия* отражал и отражает, прежде всего, *пристрастие человека к мыслительной деятельности и способности в ней, её результаты, продукты*.

Таким образом, можно сделать и такой общий вывод: всю когнитивную, интеллектуальную жизнедеятельность человека, результатами, продуктами которой являются не только жизненно целевые продукты, но и все другие, добавляемые к окружающей реальности, можно обобщить понятием *искусство*. Эта деятельность возникала в этносах и развивалась как комплексное свойство человека производить что-либо новое в окружающей реальности, в том числе продукты информационного характера на основе языка, - как первичного искусственного продукта

мыслительной (когнитивной) жизнедеятельности. Однако, в истории общественного развития стали выделять и относить к искусству лишь необычные, выдающиеся своими характеристиками предметы. А философию, научные и некоторые другие виды интеллектуальной деятельности стали называть своими именами. Но, в сущности, все они определяются интеллектуальной деятельностью человека, способностями его (свойствами мозга) в этом плане, выделяемых видами искусства. Таким образом, *интеллект* человека выступает в качестве функциональной системы, определяющей не только внешние, целесообразные движения его и обновление (закрепление) целеполаганий, но и выработку всё новых и новых составляющих сознания как совокупного *знания*, служащего для интеллекта информационной базой (тезаурусом) функционирования. Согласно работам П.К. Анохина [3], «интеллект» можно считать, таким образом, кратким терминологическим обозначением «когнитивной функциональной системы» в общем составе функциональных систем человека. Эту систему, в отличие от других, следует считать, - с научных позиций, естественной лишь в плане биологического (организменного) развития и обеспечения ее функционирования, а в плане продуктивного функционирования для жизнедеятельности человека в общественных условиях, системах и для общественного сознания она выступает, от начал социогенеза, как «искусственная». Всю продукцию, созданную и создаваемую интеллектуальной (умственной) деятельностью человека, - и используемую им в этой деятельности, принято относить к сферам «искусственного» – к искусству и культуре, к научно-философской сфере, к технике и прочим сферам. Эта «искусственность» полезно (для научного познания) выделяет все общественные процессы интеллектуального и теперь уж информационно-технического происхождения от «естественного», что способствует их исследованиям и общественно полезным изменениям (с пониманием искусственности), - возвышению полезности и нивелированию вредности существующих и проектных процессов и организаций (систем), связанных с ними.

С некоторых пор, в связи с выделением и закреплением известных деятельностей в сфере искусства, вошло в широкое употребление слово-термин «творчество», отражающее целевую интеллектуальную деятельность в любом общественном направлении. Здесь полезно привести соответствующее определение из «Большого психологического словаря» [14]:

«ТВОРЧЕСТВО (англ. creativity).

1. В узком смысле Т. – человеческая деятельность, порождающая нечто качественно новое, никогда раньше не бывшее и имеющее общественно-историческую ценность.

Комментируя подобную т. зр., Л. С. Выготский писал, что в таком случае «Творчество есть удел немногих избранных людей, гениев, талантов, которые создали великие художественные произведения, сделали большие научные открытия или изобрели какие-нибудь усовершенствования в области техники».

2. В более широком (и весьма распространенном в психологии) смысле Т. (или творческая деятельность) – это всякая практическая или теоретическая деятельность человека, в которой возникают новые (по крайней мере, для субъекта деятельности) результаты (знания, решения, способы действия, материальные продукты). По словам Выготского, «как электричество действует и проявляется не только там, где величественная гроза и ослепительная молния, но и в лампочке карманного фонаря, так точно и творчество на деле существует не только там, где оно создает великие исторические произведения, но и везде там, где человек воображает, комбинирует, изменяет и создает что-либо новое, какой бы крупицей ни казалось это новое по сравнению с созданиями гениев» (Выготский. Воображение и творчество в детском возрасте). См. *Креативность, Психология творчества, Творческий процесс, Эвристика*.

3. Существует также т. зр., что Т. – это не только феномен человеческой деятельности, но и, напр., поведения животных, …..».

В плане объективно необходимой адекватности творческой деятельности (интеллектов) индивидов состоянию и целям развития общества как АСЖЦ [17] вспоминаются государственные задачи организации новой культуры в новом российском социалистическом обществе (начиная с «пролеткульта»), - адекватной новой парадигме развития, и соответствующие процессы

государственного контроля, организационного и прочего управления всей интеллектуальной деятельностью общества. Вспоминается также выделение в Советском Союзе общественно целесообразных направлений и произведений искусства, которое получило наименование «социалистическое», - в принципе адекватное высшим целям того общества, как функционально целостного (хотя научного понятия целостности в тот период еще не было, целостность понималась с политических позиций, на основе исторического опыта). В исторической рефлексии, по большому счету, видится эволюционно адекватным и необходимым для ЦИ государства экспертно оценивать все существующие и новые продукты творчески интеллектуальной деятельности, - являющиеся прямыми или опосредованными средствами общественного развития по критериям общественной рациональности (целевого, ресурсно-производственного и развивающего значения). Однако, великая история показывает, что все государства в мире следовали в своем мышлении экономическому развитию, определяемому теми или иными мыслителями, опирались на исторические и политэкономическим знания [4; 16; 22; 23; 35].

В то же время 20 век наглядно показывает зависимость всех деятельностей в обществе, их направленности и организации от «центрального» государственного интеллекта, от выбранной и закрепленной правовым образом парадигмы общественного развития. Таким образом, строго научное, системно-историческое исследование возникновения и развития человеческого и государственного интеллекта, - раскрывающего связи их с «искусственностью», требует уточнения и расширения понятия *интеллект* и, соответственно, изменения «легкомысленной» трактовки его применительно к техническим изделиям выполняющим определенные действия, функции подобно человеческому интеллекту. Думается, изделиям такого рода, - технически-функциональным, адекватен термин «техно-интеллект» (ТИ), а не искусственный (соответственно формированию человеческого интеллекта).

Приведенные выше размышления направляют наше мышление к системному анализу развития общественно высшего, государственного мышления, - которое, как выясняется, формировалось и развивалось, от самих начал (от вождеств и прочих структур) на базе (искусственных) языков, «картин мира», религиозных, философских, социально-экономических и прочих учений, соответствующих искусственных парадигм общественного развития. Это не соответствует, однако, рамкам статьи, поэтому здесь видится целесообразным кратко рассмотреть лишь один, но важнейший исторический момент в искусственном (по сути, что надо подчеркнуть) развитии общественного и государственного мышления. Он относится к стадии общемирового формирования и правового закрепления жизненно базовых процессов, названных позже «экономикой», - процессов добывания, присвоения, производства, обмена и социально-государственного распределения, потребления продуктов окружающего мира и производимых конкретным обществом. Данный, можно сказать, судьбоносный для народов мира исторический переход к государственно-правовой организации перечисленных базовых процессов рассматривался многими учеными [4; 31] и частично автором [17-21], поэтому здесь надо привести дополнительные сведения с акцентом на искусственность и неадекватность свершившегося перехода фундаментальным законам организации и развития «живых целостностей», - выверенным эволюцией всей земной жизни, жизни ранних АСЖЦ. Исходная сущность этого перехода была раскрыта ведущим советским ученым-экономистом В.Я. Железновым [36]. Здесь надо привести соответствующий текст достаточно полно, для лучшего понимания её. В.Я. Железнов приводит, например, следующие фразы (с. 174, 175):

Любитель тонкихъ разграниченій и точной терминологіи, Аристотель предложилъ для двухъ противоположныхъ типовъ хозяйственной организаціи и спеціальныя, отвѣчающія ихъ духу, обозначенія. Правильная хозяйственная дѣятельность имѣетъ цѣлью удовлетвореніе разумныхъ потребностей основной ячейки общественной организаціи—семьи или „дома“ (ойкоса), доставляя ей все необходимое для того, чтобы полноправные члены ея могли достигать доступныхъ имъ и сознаваемыхъ ими какъ высшія цѣли жизни ступеней блаженства. Онъ называетъ ее поэтому „частью экономіи“ (μέρος τῆς οἰκονομίας), или „экономикой“ (οἰκονομική). Это—хозяйственная дѣятельность, „согласная съ природой“ (κτητικὴ κατὰ φύσιν), отъ которой рѣзко отличается пріобрѣтеніе, руководящееся не высшими цѣлями человѣческаго существованія, а стремленіемъ къ безграничной наживѣ, образующее цѣль въ самомъ себѣ,—дѣятельность, предпринимаемая просто ради самихъ хозяйственныхъ благъ (χρηματα), которую Аристотель называетъ поэтому хрематистикой (χρηματιστική) [1]. Объ спеціальныя формы пріобрѣте-

---

[1]) С. А. Жебелевъ передаетъ этотъ терминъ словами: „искусство наживать состояніе“. Но такъ какъ и нормальная, въ смыслѣ Аристотеля, хозяйственная дѣятельность также имѣетъ цѣлью наживать состояніе въ предѣлахъ, устанавливаемыхъ высшими цѣлями жизни, то было бы правильнѣе перевести слово „χρηματιστική“ выраженіемъ: „искусство безпредѣльной наживы“. Намъ представляется, однако, наиболѣе удобнымъ просто сохранить терминъ Аристотеля.

И далее (с. 177, 178):

дарственной жизни. Теперь ясно, заключаетъ Аристотель, въ какомъ отношеніи пріобрѣтеніе хозяйственныхъ благъ согласно природѣ находится къ дѣятельности людей, управляющихъ домами и государствомъ, и по какой причинѣ [2]). Отвѣтъ дѣйствительно вполнѣ ясенъ: пріобрѣтеніе хозяйственныхъ благъ согласно природѣ совпадаетъ съ экономикой, это истинная хозяйственная дѣятельность, оправдываемая назначеніемъ людей и вещей. Тѣмъ самымъ дано уже и опредѣленіе хрематистики въ отрицательномъ смыслѣ: она есть хозяйственная дѣятельность, или пріобрѣтеніе хозяйственныхъ благъ вопреки природѣ, вопреки истиннымъ цѣлямъ, ради которыхъ живетъ человѣкъ и существуетъ окружающій его міръ. Не имѣя ограничивающей и болѣе высокой цѣли, хрематистика по существу безпредѣльна, и какъ таковая образуетъ совершенно особый видъ пріобрѣтенія хозяйственныхъ благъ. „Есть другой родъ пріобрѣтенія, говоритъ Аристотель, который чаще всего и справедливо называютъ хрематистикой, при которомъ не видно предѣла богатству и владѣнію хозяйственными благами“. Она есть видъ искусства пріобрѣтенія вообще или, лучше сказать, видъ пріобрѣтенія, потому что лишенная облагораживающей цѣли, она не можетъ быть признана истиннымъ искусствомъ. Искусство пріобрѣтенія согласно природѣ; хрематистика же есть дѣятельность, выполняемая не по указаніямъ

природы, а извѣстной опытностью и ловкостью (δι' ἐμπειρίας τινὰς καὶ τέχνης). [1]) Здѣсь Аристотель и подходитъ къ выясненію особой хозяйственной природы благъ, служащихъ предметомъ одинаково экономики и хрематистики, но выявляющихъ свои специфически экономическія свойства болѣе ярко именно въ послѣдней.

Что всего болѣе характерно для благъ, служащихъ предметомъ дѣятельности, основная цѣль которой—безграничное накопленіе богатства? Конечно, ихъ мѣновая, а не субъективная цѣнность, не значеніе ихъ для непосредственнаго удовлетворенія потребностей ихъ владѣльца. И Аристотель съ удивительной проницательностью начинаетъ свою характеристику отрицательнаго типа хозяйственной дѣятельности разграниченіемъ понятій субъективной и мѣновой цѣнности.

И далее:

ственной дѣятельности. Дѣло не въ обмѣнѣ, а въ той цѣли, которой служитъ обмѣнъ. „Поскольку обмѣнъ производился ради цѣлей ихъ жизни, онъ былъ самъ необходимъ. Въ первой формѣ общенія людей, какой является семья, онъ явно не имѣлъ цѣли (φανερὸν ὅτι οὐδέν ἐστιν ἔργον αὐτῆς), а лишь съ того времени, когда человѣческое общеніе стало болѣе многочисленнымъ. Въ первоначальной семьѣ все было общимъ; когда же она раздробилась на много чуждыхъ, обособленныхъ другъ отъ друга семействъ, каждое изъ этихъ семействъ стало нуждаться въ чемъ-нибудь, и помощь другъ другу, посредствомъ взаимнаго обмѣна, стала тогда для нихъ необходимой, какъ это часто наблюдается и теперь среди варварскихъ народовъ. Они непосредственно обмѣниваютъ одни полезныя вещи на другія, и ничего больше, напр. вино на хлѣбъ, и такъ во всемъ остальномъ: давая одно и получая другое. Такого рода мѣновой оборотъ согласенъ съ природой, и никоимъ образомъ не составляетъ вида хрематистики, ибо онъ имѣетъ цѣлью восполненіе недостающаго для самодовлѣнія, согласнаго съ природой". Постепенно, однако, развитіе мѣновыхъ отношеній привело къ тому, что обмѣнъ утратилъ непосредственную связь съ удовлетвореніемъ потребностей и сталъ служить средствомъ безграничнаго обогащенія. Моментомъ перелома въ характерѣ обмѣна было появленіе денегъ, какъ орудія обращенія и средства сбереженія цѣнностей. Аристотель съ поразительной прозорливостью отмѣтилъ здѣсь основную причину развитія древне-эллинскаго капитализма. Стремленіе къ безпредѣльному накопленію цѣнностей стало возможнымъ только послѣ укрѣпленія и развитія денежнаго обмѣна, говоритъ Аристотель, а оно и составляетъ сущность новыхъ хозяйственныхъ отношеній, противополагающихъ себя старому укладу быта, гдѣ хозяйственная дѣятельность непосредственно связывалась съ ея прямымъ назначеніемъ, т.-е. удовлетвореніемъ потребностей, и легко согласовывалась съ другими

жизненными задачами. „Изъ такого мѣнового оборота, продолжаетъ Аристотель, логически естественно развилась и хрематистика. Когда взаимопомощь посредствомъ обмѣна распространилась на отдѣльныя государства, и они стали ввозить къ себѣ то, въ чемъ испытывали недостатокъ, и вывозить, что было у нихъ въ избыткѣ, по необходимости возникла потребность въ деньгахъ. Ибо изъ предметовъ, необходимыхъ по природѣ, не каждый удобопереносимъ. Поэтому согласились для облегченія обмѣна давать и принимать другъ отъ друга нѣчто такое, что, будучи само по себѣ полезнымъ предметомъ, имѣло бы общедоступную (широко чувствуемую) полезность для жизни (τὴν χρείαν εὐμεταχείριστον πρὸς τὸ ζῆν), какъ, напр., желѣзо, серебро и другое подобное. Сначала просто (въ каждомъ случаѣ) опредѣляли ихъ размѣръ и вѣсъ, и наконецъ на нихъ стали налагать знакъ (штемпель), чтобы освободиться отъ (постояннаго) взвѣшиванія ихъ, ибо этотъ знакъ указывалъ уже ихъ количество. Послѣ того, какъ деньги возникли ради потребности въ необходимомъ обмѣнѣ, создался другой видъ хрематистики, именно, розничная, мелочная торговля (τὸ καπηλικόν), которая велась сначала попросту, затѣмъ была технически усовершенствована при помощи нѣкоторой опытности, указывавшей, откуда и какимъ образомъ, съ помощью какихъ изворотовъ можно получить наибольшій барышъ. Поэтому хрематистика, повидимому, болѣе всего имѣетъ дѣло съ деньгами, и ея задачей служитъ изслѣдованіе, откуда можно получить много хозяйственныхъ благъ. Это—творчество богатства и хозяйственныхъ благъ (ποιητικὴ γὰρ τοῦ πλούτου καὶ χρημάτων) И такъ какъ часто подъ богатствомъ понимаютъ изобиліе денегъ, то и хрематистику и торговлю считаютъ дѣломъ, направленнымъ именно на ихъ добываніе“ [1]). Итакъ цѣль хрематистики—добываніе денегъ. Можетъ ли такая цѣль истинно удовлетворить человѣка, доставить ему „самодовлѣніе“? Изъ всего предыдущаго ясно, что именно возможность безпредѣльнаго накопленія денегъ Аристотель считалъ дѣломъ, противнымъ природѣ истиннаго хозяйства [2]). „Поэтому-то, про-

Теперь мы располагаем уже большими множествами научно-исторических знаний, не только о хрематистике, но и более существенными. Первичная цель хрематистики развилась в парадигмальный принцип общественного развития в условиях мирового рынка, который устанавливал и продолжает устанавливать (с новыми факторами и средствами) адекватное мышление государственных деятелей в организации внутренней совокупной жизнедеятельности подвластного им общества. Великая история общественного развития, - определенного, в сущности, развитием государств (как комплексов управления), деятельностью их лидеров и не столь давняя история России 19 века, новейшая история наглядно демонстрируют, прежде всего, самодовольство экономических и государственных лидеров в достижении денежных богатств и общую устремленность народных индивидов к этому богатству, причем в самоистребляющей борьбе за «доходное место» и ускоренное обогащение. Таким образом, можно сделать общий исторический вывод, что «проблему хрематистики», прочно укоренившейся во всем социально-экономическом мышлении, а по сути, проблему парадигмы общественного развития, надо решать не «снизу» (ростом высказываний в медиа-пространстве общественного сознания, на основе опыта индивидуального развития, - например, по Э. Фромму – «иметь или быть?», - точнее – «Чем владеть?»), а, прежде всего, «сверху». То есть вопрос «Чем владеть?» надо ставить со стороны

общественного интеллекта - чем владеть обществу, как обособленной в мировом сообществе АСЖЦ. В подходе к решению этого общественно судьбоносного, стратегического вопроса надо глубоко осознать, конечно, отечественный опыт политически-силового, революционного изменения парадигмы общественного развития в начале 20 века, - при всеобщей слабости в самопознании (адекватному в основном историческому опыту), и опыт обратных изменений (вплоть до средневековья) средствами такого же характера в конце 20 века, при властном действии невежественных политических акторов, устремленных к парадигме «свободы обогащения» [43; 84; 94]. В современный период данный вопрос обостряется объективной необходимостью ускорения всестороннего развития ***могущества*** «Российского Союза народов», - как ***технически оснащенной антропосоциальной живой целостности***. Великий опыт показывает, что мышление, функционирование интеллекта, - как человека, так и общества в целом, активируется и стимулируется внешними «вызовами», опасными воздействиями. В то же время великий опыт советского сверхобщества и других стран говорит о всеобщей рациональности для мирового сообщества и жизненном преимуществе «силы знаний» над силой вооруженного невежества. Таким образом, благоприятное для всего мирового сообщества решение главного экономического вопроса Аристотеля о богатстве, как убедительно показывает опыт СССР, возможно и необходимо, очевидно, достичь не силой оружия, а «силой знаний». Однако, сразу же возникают, - исходя из контрреволюционного возврата России и других социалистических стран к прежней, рыночной парадигме развития, проблемные вопросы государственного (генерального) характера: какими эквивалентами, мерами измерять «силу» знаний и выявлять «знания-победители»? Учитывать или не учитывать социальный статус живых (прошлых и современных) носителей (авторов) знаний? То есть возникает ключевой и узловой вопрос идеального общественного Эксперта (особо богатый исторический, эмпирический и научный материал в этом плане дает новейшая история).

Думается, по системной аналогии с эволюционным «Экспертом», действовавшим в эволюции живых целостностей (организмов), в каждом человеческом обществе должен формироваться искусственный, - человеческий в основе, «центральный интеллект» («генеральный» по эволюционному Предписанию), - адекватный всему содержанию АСЖЦ, внутреннему и окружающему (пограничному) миру, его текущим и возможным (вероятным) воздействиям. В эволюции ЖЦ высшим (идеальным по назначению) Экспертом был «естественный отбор», соответственно, человеческому обществу назначен адекватный Интеллект. Вся история человечества наглядно показывает, что функционал этого невидимого эволюционного предписания (посыла) выполняли лидеры-вожди, вождества (как зачатки государственного комплекса) и все последующие государственные Правители-Эксперты. Хорошо понятные (по результатам функционирования) структурно-функциональные образцы специализированных Интеллектов с экспертными функциями представляли в СССР многие государственные структуры, известные министерства и такие (малоизвестные теперь) как «Государственный ученый совет» (ГУС) и «Государственный комитет по науке и технике» (ГКНТ). В Советской энциклопедии (БСЭ), - как «Национальной сокровищнице знаний» (национальном Тезаурусе, который предвидел А. Богданов), сохранилась, к сожалению, лишь краткая справка о ГУС, который был, можно сказать, начальным прототипом объективно необходимого генерального Интеллекта. Им было одобрено, кстати, издание первых в истории СССР шести томов «Обществоведения» (около 100 лет назад), - как всеобщего гражданского знания [69]. Думается, упразднение этого Совета было обусловлено тем, что соответствующий функционал был присвоен (узурпирован) лидерами ЦК КПСС. Однако, известная консервативность ЦК (на «вечном, правильном учении») и его деградация закономерно привели к разрушительной «перестройке» (что-то «вечное» и адекватное интеллекту ЧСФЕ психологически «удобно» не только в государственных структурах, но и других, особенно в бюрократических, являющихся, как правило, управляющими).

С позиции высшего интеллекта АСЖЦ можно системно видеть необходимость научного формирования в государственном комплексе высшей экспертной системы (по системной аналогии с экспертным мышлением, организуемым человеческим интеллектом), основанной на алгоритмах

выявления всего наиболее ценного в общественном сознании для достижения высших целей общественного развития в текущих и прогнозируемых условиях окружающего мира, то есть достижения необходимого комплексного ***могущества*** страны, - как обособленно существующей АСЖЦ. В истории развития государств мы видим консервативную изоляцию их от развития общественного сознания [31; 43; 51; 56; 76], а также процессы угнетения и даже уничтожения выдающихся мыслителей-интеллектуалов, - чем особо отличался в нашем отечестве не только «сталинский» режим. Теперь, в исторической рефлексии над недавним отечественным опытом можно констатировать, что объективно необходимое ускорение в развитии могущества страны возможно лишь путем собирания, систематизации и высшей экспертизы знаний, комплексных достижений в научно-философском общественном самопознании.

Но вернемся к рассмотрению истории экономического мышления, как наиболее важного в общественном развитии, в частности к следующей мысли Аристотеля, переданной В.Я. Железновым (в конце приведенной выше фразы):

«Из всего предыдущего ясно, что именно возможность беспредельного накопления денег Аристотель считал делом, противным природе истинного хозяйства».

То есть в интерпретации современными словами можно сказать: *организация экономической деятельности с возможностью беспредельного накопления денег противоречит природе человека и общества, базисным законам их существования, сохранения и развития в широком спектре изменений окружающей среды и воздействий окружающего мира* (вспомним разрушения империй). Как показал опыт СССР в этом плане, рационально определенное нормирование и ограничение денежного «потенциала присвоения» (термин автора). В СССР были установлены, прежде всего, принцип общественной целесообразности экономической деятельности и известный, справедливый «трудовой закон» для всех граждан, который лучше изложить таким образом: «*От каждого по способностям в общественно целесообразном труде и каждому по общественному значению его*». Но рассмотрим тему труда и его рациональную оплату ниже, а здесь завершим рассмотрение рассуждений Аристотеля и В.Я. Железнова еще одним фрагментом, способствующим пониманию исторического формирования и развития «экономической науки», политической экономии:

дѣломъ, противнымъ природѣ истиннаго хозяйства [2]). „Поэтому-то, продолжаетъ Аристотель развитіе своей основной мысли, тѣ, кто ищутъ отличія богатства отъ хрематистики, ищутъ правильно. Ибо хрематистика отлична отъ богатства, согласнаго съ природой, составляющаго предметъ экономики. Торговля же есть созданіе хозяйственныхъ благъ, но не всякими способами, а только путемъ промѣна хозяйственныхъ же благъ. Она имѣетъ, повидимому, главное дѣло съ деньгами, ибо деньги—основаніе и предѣлъ обмѣна. Дѣйствительно, богатство, пріобрѣтенное такой хрематистикой, безпредѣльно“ [3]). Аристотель проводитъ здѣсь сравненіе съ другими видами человѣческой дѣятельности. Въ дѣятельности, согласной съ природой, напримѣръ въ врачеваніи, безпредѣльно доставляемое ею благо—здоровье человѣка. Средства же, которыя употребляются для достиженія этого блага, не безпредѣльны, ибо предѣломъ для нихъ служитъ общая цѣль дѣятельности. Больше медикаментовъ, чѣмъ нужно для здоровья, не слѣдуетъ ни изготовлять, ни накоплять. Въ хрематистикѣ же цѣль и средства слиты въ одно, и потому тамъ богатство, которое, какъ средство для человѣческой жизни вообще, должно было бы находить себѣ предѣлъ въ высшихъ цѣляхъ этой жизни, оказывается, наоборотъ, само безпредѣль-

[2]) Аристотель вставляетъ здѣсь попутное соображеніе, непосредственно не связанное съ развитіемъ основной мысли, что деньги сами по себѣ могутъ быть противоестественнымъ, что можетъ наступить такое стеченіе обстоятельствъ, при которомъ деньги окажутся вообще негодными. Эта мысль брошена вскользь, выражена очень неясно и допускаетъ разнообразныя толкованія. Мы вернемся къ этому мѣсту впослѣдствіи, при разсмотрѣніи взглядовъ Аристотеля на природу денегъ.

.....

нымъ, ибо оно признается уже не средствомъ, а цѣлью. „Въ хрематистикѣ нѣтъ предѣла цѣли, и цѣлью этой является именно богатство и пріобрѣтеніе хозяйственныхъ благъ“ (οὐκ ἔστι τοῦ τέλους πέρας, τέλος δὲ ὁ τοιοῦτος πλοῦτος καὶ χρημάτων κτῆσις). Другое дѣло—экономика. Здѣсь есть предѣлъ, ибо ея дѣло не пріобрѣтеніе хозяйственныхъ благъ, какъ цѣль въ себѣ. И вообще всякое богатство необходимо должно было бы, какъ ясно изъ предыдущаго, имѣть свой предѣлъ, въ дѣйствительной же жизни мы видимъ противоположное, ибо всѣ, увлеченные страстью къ стяжанію, безъ конца увеличиваютъ свой денежный запасъ [1]).

Причину этого прискорбнаго явленія Аристотель усматриваетъ въ большой близости другъ къ другу обоихъ способовъ пріобрѣтенія. Въ томъ и другомъ случаѣ дѣятельность выражается въ пріобрѣтеніи хозяйственныхъ благъ, только въ одномъ этому пріобрѣтенію ставится иная цѣль, въ другомъ—простое расширеніе его (τῆς μὲν ἕτερον τέλος, τῆς δ' ἡ αὔξησις). Поэтому люди, стремящіеся къ сохраненію и безпредѣльному увеличенію своего денежнаго имущества, впадаютъ въ заблужденіе, думая, что въ этомъ и состоитъ суть правильной хозяйственной дѣятельности, или экономики. Причина этого заблужденія въ томъ, что они стараются только о жизни, но не о благой жизни (τὸ σπουδάζειν περὶ τὸ ζῆν, ἀλλὰ μὴ τὸ εὖ ζῆν). Но вѣдь жажда жизни вообще безпредѣльна, и потому люди, охваченные такой жаждой, не знаютъ предѣла въ творчествѣ средствъ для нея. Но даже и люди, стремящіеся къ благой жизни, увлекаемые соблазномъ физическихъ наслажденій, ради нихъ вступаютъ на путь безпредѣльнаго стяжанія. Именно въ силу такого соблазна они, сами не замѣчая, ведутъ свою хозяйственную дѣятельность вполнѣ въ духѣ хрематистики, такъ какъ погоня за наслажденіями заслоняетъ для нихъ истинную цѣль жизни, становится на мѣсто ея, какъ единственная цѣль, ради которой всякія средства оказываются нужными и дозволенными. Аристотель близко подходитъ здѣсь къ вопросу о чисто-хозяйственной цѣнности (безотносительно къ цѣлямъ хозяйства). Вѣдь и въ хрематистикѣ обмѣнъ благъ основывается на ихъ цѣнности и значитъ законы ея должны быть одинаковы какъ для нормальнаго, такъ и для анормальнаго хозяйственнаго оборота. Но онъ не останавливается здѣсь на этомъ вопросѣ, а спѣшитъ оттѣнить важную въ его глазахъ разницу между экономикой и хрематистикой, ограничиваясь молчаливымъ признаніемъ факта оцѣнки людьми хозяйственныхъ благъ и за предѣлами истинной цѣли хозяйства. По настоящему же, продолжаетъ онъ, нужно разбирать, гдѣ кончается необходимое пріобрѣтеніе хозяйственныхъ благъ и гдѣ начинается не необходимое, или хрематистика

Здесь надо сразу же отметить очень важные для формирования «экономического» мышления понятия и их развитие посредством интеллектов известных мыслителей (искусственно сформированных). Это, прежде всего, понятия денег, богатства, ценности (понимаемой В.Я. Железновым и другими, особенно в интеллектуально решающий период для России начала 20 века, исключительно в денежном смысле) и стоимости (см. критическую статью В. Чеховского и дискуссию о переводческой коллизии в отношении 1-го тома Капитала, очерки автора о ней [20; 21], а также теории стоимости и совр. взгляды). В плане рассматриваемой темы важно то, что все эти и другие базовые понятия формировались и закреплялись, были обусловлены и развивались не только существенно различными, искусственно сформированными интеллектами известных мыслителей, но и общим, схожим в основах пониманием человеческого общества, - пониманием, допускающим слияние и развитие «хрематичных» процессов с другими экономическими и прочими процессами общественного развития. И лишь творческое развитие идей, выработанных известными мыслителями - интеллектуалами просвещенной Европы, в революционно настроенной России, - В.И. Ульяновым (Лениным), А. Богдановым и многими другими мыслителями, обладавшими общественно рациональным, целерациональным для возвышения России в мировом сообществе интеллектом, обеспечило и соответствующее возвышение экономического мышления, «экономики» как учения, но, всё же с некоторыми заимствованиями от западной мысли. Соответственно, коренным образом были исключены все хрематичные процессы (ростовщичество, спекуляции всех видов и прочие), а вместо традиционной устремленности граждан к денежному обогащению, точнее с целью нивелирования этой устремленности, было установлено всеобщее стимулирование граждан к возвышению своих деятельных качеств, к профессиональному возвышению, - посредством известной нормативной системы оплаты общественно целевого труда. Но главное в том, что установилось принципиально новое понимание общества, понимание объективно необходимой жизнедеятельной целостности его и, соответственно, всеобщей общественно целевой деятельности - труда по целям всестороннего возвышения Отечества. В тот период не было еще системно-организационных понятий (их начинал вырабатывать А. Богданов), но понимание объективно необходимой «живой, трудовой целостности» общества уже было, и этим отличались интеллекты многих ведущих деятелей того периода (хотя пути их формирования были совершенно разными), включая Сталина, - с особым подходом к обеспечению надежной и высоко производительной целостности общества.

Здесь надо остановиться на социально-экономическом, системном анализе традиционной категории обозначенной простым словом **труд** (по этимологии от начальных механически «трудных» процессов). Эта категория, соответственно историческому развитию «трудовых» процессов включает уже все виды человеческой деятельности, имеющие какое-либо отношение к организации и развитию многих деятельностей, направленных как на индивидуальное развитие (в т.ч. «обогащение»), так и на общественное. Поэтому выдающиеся ученые нашего времени, например, ведущий социолог Ж.Т. Тощенко и социолог-экономист В.Я. Ельмеев рассматривают главным образом специализацию («разделение») труда и некоторые общие вопросы его организации [34; 85; 88], исходя из человеческих способностей (гл. обр. Ж.Т. Тощенко) и классической политической экономии (В.Я. Ельмеев), - без анализа системных, объективно существующих законов и соответствующих основ целевой организации «трудового» движения общества, как *технически оснащенной антропосоциальной живой целостности*.

Исходя из этой реальной сущности человеческого общества, в системном анализе уже испытанного прототипа рационального общества – Советского Союза и в проектировании более совершенного надо использовать, кроме системной терминологии в отношении труда (*функции, функционирование*, ЧСФЕ, и пр.) и адекватные традиционные понятия и термины (с системным их переосмыслением): *ценности* (являющиеся средствами достижения целей), *собор, единение* (образование целостности), *служба* и прочие. Понятие *службы* (широко используемое в России до начала 20 века) отражает в системной сущности назначенное (определенное «сверху», иерархически) функционирование, программное (нормированное) движение ЧСФЕ и других единиц, функциональных органов, систем и комплексов – по иерархии. Исторический вопрос – «кому служить» и общая цель – «служить царю» заменяются теперь вопросом «чему служить» и

общей целью – служить Отечеству. Эта функциональная (трудовая, воинская и пр.) Служба в современный период уже осмысливается многими учеными и гражданами, особенно участвующими в ней.

Однако, официальное «Обществознание» (для всех граждан) всё ещё задерживается в объяснении общественно рациональной организации «труда» (нормированного *служения*) и его вознаграждения, - со стороны высшего общественного Интеллекта (посредством правовых систем). Согласно сообщениям СМИ прошлого года о коренной переработке учебного обществознания и о замечании В. Мединского в части его практичности для молодых граждан, - начинающих свой трудовой путь, надо ожидать, очевидно, определенное общественно прогрессивное изменение данного учебного курса в плане *служения* Отечеству (тем более, что В. Мединский осуществил уже большой курс лекций по истории России подробно раскрывая тему служения). Идея служения, точнее главный, смысловой вектор жизни человека общественного должен определять, очевидно, всё содержание комплексного в этом плане учебного курса по обществознанию и истории выдающихся примеров служения, с подробным (внеклассным) изучением их в истории России, СССР и новейшей истории.

Вернемся, однако, к «экономическому» мышлению о «труде», - которое заменило в древних обществах объективно необходимое мышление о воспроизводстве и развитии общинного (общего для индивидов) «хозяйства» (см. рассуждения Аристотеля и совр. ученых в русле «философии хозяйства»). В классической (западной) политической экономии «труд» стал пониматься в качестве функционального средства максимизации прибыли. Соответственно, он максимально интенсифицировался (в т.ч. использованием рабов), механизировался, автоматизировался и заменялся роботами (ист. путь от рабов до роботов). В социалистической экономике России начала 20 века труд стал пониматься уже по-иному – как всеобщее средство достижения всестороннего могущества страны относительно враждебного и агрессивного Запада. И с целью ускоренного достижения необходимого могущества он так же интенсифицировался, механизировался и автоматизировался. Однако, в связи с известным отставанием в научно-техническом развитии, - ввиду известной интеллектуальной неадекватности государственных лидеров и всего «партийно» сформированного комплекса управления общественным развитием, определенная отсталость сохранилась до конца 20 в. Тем не менее, и несомненно, благодаря всеобщей направленности труда на общее благо (в указанном выше и прочем содержании), самоотверженности и дисциплины, творческой активности граждан, благодаря распределению общих ресурсов по труду, его количеству и качеству, сложности и целевой ценности, были достигнуты известные достижения в росте могущества СССР и, соответственно, Великая Победа над объединенной мощью западной агрессии.

Социально-экономическим вопросам и проблемам в организации и целевом осуществлении труда уделено уже большое множество научных исследований, которые можно сказать, завершаются социологическими и политэкономическими обобщениями указанных выше ученых – Ж.Т. Тощенко и В.Я. Ельмеева, и некоторых других современников. Они осуществлялись, как отмечалось выше, на основе исторических сведений, социологической методологии (без эволюционно-системного и системно-исторического подходов) - [86], и на основе политэкономической классики, западной и социалистической экономической науки. Однако, наиболее продуктивными следует считать всё же эволюционно-системные и системно-исторические исследования организации «труда», - который является, в сущности (в системном видении), совокупным целесообразным движением индивидов (ЧСФЕ) и общества в целом (как АСЖЦ). То есть уже в начале системных исследований является продуктивным сопоставление общества как живой целостности с малыми, целесообразно целостными группами (артелями, бригадами, корпорациями) и общественного Дома, «народного хозяйства» – с частным благоприятным домом, с «домашним хозяйством».

Искусственный характер всех сведений, знаний, использованных в исторической организации человеческого (живого) труда по целям древних, затем капиталистической и социалистической парадигм (с определенным наследием), хорошо выявляется и подчеркивается исследованием возникновения и развития так называемых ***денег.***

Они были рождены в исторически раннем общественном сознании как функциональное средство обмена продуктами жизненно-целевой деятельности индивидов и их групп (первых кооперацией). Первоначальная их реализация была естественной, - судя по историческим сведениям, наиболее широко и объемно использовался скот (см. соотв. этимологию), затем уже искусственной (металлической) и так далее, вплоть до современных электронно-цифровых денег. Но искусственность их и соответствующее формирование сознаний индивидов, господ и «правителей», государственных сознаний и мышления (интеллектов) исходит от интеллектуальной выработки (лидерами в мышлении) самого способа обмена и интеллектуального развития средств его реализации. До широкого использования денег (как эквивалентов трудовой и потребительской ценности продуктов) были распространены (и сохранялись еще долгое время) так называемые «дары» (см. этногр. исследования).

Здесь, в рамках статьи, надо обратить внимание на главное, на искусственное развитие искусственных средств, ставших для человечества судьбоносными - **языка** и **денег**, и развития их использования посредством соответствующих искусственных интеллектов человеческих СФЕ-лидеров, управляющих в системах деятельностей, образованных и развиваемых начиная от первых трудовых коллективов (артелей) до современных корпораций. Мы видим, как деньги быстро (в историческом времени) развивались в функциональном плане, - от средств обмена к средствам накопления богатства, капитала и так далее, до современного функционала, правового и преступного, в локальном и глобальном пространстве.

В современный период видится наиболее полезным для национально ориентированного экономического мышления системно рассмотреть использование денег в Советском Союзе. Надо сразу заметить, что оно определилось сложнейшими политическими, внутренними и международными процессами, наследием монархического режима правления и хозяйствования, многими прочими обстоятельствами (этому периоду посвящены многие научно-политические и экономические исследования). Был использован, конечно, и великий опыт передовых западных стран, теоретически обобщенный К. Марксом, М.И. Туган-Барановским и другими исследователями. Здесь видится достаточным ограничиться пока ссылками на малую часть работ, дополняющих исследования В.Я. Железнова. Наш современник Н.К. Водомеров приводит, например, много конкретных сведений об использовании денег в СССР [26], а Д.В. Валовой – как раз, о сильном, определяющем влиянии западного, сугубо искусственного мышления (основанного на психологически живучей хрематистике) и, соответственно, о влиянии рыночных инвариантов в мышлении на марксистски ограниченное мышление Партии власти [16]. В этом плане приводятся сведения о внедрении в мышление Партии понятия прибыли и переходе к «хозрасчету» на её основе, то есть к усилению рыночного мышления внутри социалистической экономики (это «вирусное» воздействие харьковского экономиста Е. Либермана и другие той же природы, не рассматривались, очевидно, на должном академическом уровне при определении «курса» пресловутой перестройки) [43; 84]. Все политэкономические «блуждания» изначально проблемного государственного интеллекта (ввиду партийной марксистско-ленинской его инвариантности), - как видится из современности, было обусловлено как раз его интеллектуальной неадекватностью задачам структурно-функциональной, системной организации принципиально нового человеческого общества, - вооруженного техникой и главное знаниями (их силой), и высокоразвитыми интеллектуальными, широко функциональными человеческими Единицами. В этом плане важно отметить и партийное угнетение, подавление «иного мышления», начиная от А. Богданова (который как раз и разрабатывал организационную науку, используя эволюционный опыт в организации живых целостностей, организмов).

В общем системно-историческом анализе мы приходим к выводу о системной неадекватности самих процессов формирования «центрального интеллекта» (ЦИ) общества (как АСЖЦ), сложившихся в историческом общественном развитии. Первоначально, до возникновения неограниченного товарно-денежного обогащения, управление общим развитием осуществлялось наиболее опытными личностями, по объективно возникающим задачам [5] (и мн. др.), но впоследствии, в связи с денежным обогащением и перерождением лидеров, началось и интеллектуально-психологическое перерождение Власти. В сущности, первоначальная

естественно-адекватная детерминация центрального интеллекта АСЖЦ была подавлена и в существенной мере заменилась искусственной, обусловленной не только искусственными денежными средствами обогащения, но и искусственно выработанными психологическими установками – тотемами, мифологическими и религиозными. Теперь, по многим историческим обобщениям, особенно известных древнегреческих мыслителей, и, конечно, российских можно проследить весь путь развития общественного сознания и, соответственно, сознания и интеллектуального состояния государственного комплекса. В истории России и СССР важно отметить существенность религиозно-традиционалистской детерминации, затем существенное влияние западной мысли (Петровский период и далее), а в начале 20 века мы видим уже подавляющее действие социально революционного мышления просвещенной Европы и марксизма. Надо видеть и феномен «Партии власти», то есть партийного ЦИ, - выработанный в политической борьбе за реальную власть в мышлении избранных лидеров над всем прочим мышлением со стороны подвластного окружения и тем более над мышлением «народных масс». Малоизвестные уже для современного народа мысли Ленина в этом плане (см. соотв. его работы) видятся, несомненно, полезными для современного системного развития «партийно-консервативного» ЦИ в научно и общественно адекватный по задачам развития общества. В этом плане полезно вспомнить и рассмотреть многие идеи европейских ученых о необходимости использования в государственном управлении общественным развитием специальных наук, - А.-М. Ампер – [10], Лейбниц, О. Конт и другие [55; 62]. В российской истории начала 20 в. активно выступал в этом плане А. Богданов, выдвигая «всеобщую организационную науку», а много позже и В.Г. Афанасьев [9], - в начале 70-х годов, с «высокой трибуны» (поскольку был «учителем партии») и позже, развивая свои системные исследования «управления» в живой природе и обществе. Однако, первый был отстранен от политической работы, а второй был уже бессилен против деградации советского ЦИ (по итогам развития в партийно-бюрократическом государстве). Попытки научно-технического возвышения государственного управления в экономической сфере со стороны В.М. Глушкова и его института кибернетики [29; 30] так же оказались безуспешными. Здесь надо указать и на развитие системных исследований со стороны философов естествознания, биологов-теоретиков (среди которых был и сын А. Богданова) и математиков, уже с конца 60-х годов, - о них автор неоднократно говорил в предыдущих статьях. Однако, в научных кругах приближенных к государству системные исследования развернулись лишь в направлении сближения с западными институтами и лишь в экономической сфере (А.Н. Косыгин и близкий к нему Д.М. Гвишиани). Таким образом, партийный ЦИ-ЦК оставался закрытым для отечественных мыслителей, всех прошлых и современных ему, но неожиданно для народа открылся перед всегда чуждой для СССР, но активной политэкономией Запада, - через известных деятелей перестройки и, как выяснилось позже, «проводников» враждебных и разрушительных воздействий со стороны ведущих западных политиков [43]. Как показывает всемирная история, функциональная инвариантность, интеллектуальное самоограничение Власти определены самой психологией властвующих личностей (зачем развиваться и развивать государство в интеллектуально-функциональном плане, если можно властвовать и без этого, непосильного для многих труда) [56].

Но вернемся к фундаментальным основам, которые успело заложить (в тяжелейших условиях) «ленинское государство» и которые усилило и утвердило «железной» дисциплиной «сталинское». В советском государстве функционировал некоторое время даже «Государственный ученый Совет» (см. выше и соотв. статьи в БСЭ). В ту эпоху, - по имевшимся пониманиям общества и научно-практическим возможностям, вся организация «общественного труда», - как тотального (функционально целостного) общественно целесообразного движения общества, была приближена к объективно необходимому структурно-функциональному содержанию, во всем пространстве страны. То есть была приближена к соответствию фундаментальным закономерностям (законам) АСЖЦ [17]. При этом были максимально ограничены возможности индивидуального денежного обогащения, известными запретами хрематистики, - однако без необходимого научного и научно-популярного разъяснения этого вредного для человека и общества психологического, социально-генетического наследия прошлых эпох. В общественном производстве, - организованном в основном функционально целостно, по целям общественного

развития, было налажено использование специфических, безналичных денег, - соответствующих его общественно целевой целостности, планомерности и общим ресурсам (в государственной собственности). С позиции современных социально-экономических научных знаний мы видим теперь многие упущения в научном развитии экономики и заблуждения в реальном развитии, обусловленные не только буржуазным наследием, то есть западной политэкономией, - проникшей многими понятиями и через марксизм, но и отмеченной выше инвариантностью ЦИ-ЦК, - а в предперестроечный период и упадком должного мышления (с публичной демагогией о «новом мышлении»).

Здесь надо вспомнить и общенародную идею, установленную ленинским государством – строительство небывалого коммунистического общества, наиболее благоприятного для всех народов. Как отмечали уже многие историки и обществоведы, после восстановления народного хозяйства в 50-60-е годы эта идея стремительно теряла свою силу. Теперь на базе осознания всего того, что обеспечило Великую Победу, можно констатировать, что несомненно адекватной и сильной по воздействию на общественное сознание следует считать идею *служения Отечеству, росту его могущества*. Надо видеть, что эта всеобщая идея, находясь лишь в сознании индивидов, имела сильное возвышающее и ускоряющее для общества воздействие во всем предыдущем общественном развитии, от самих начал. Действие её массово и грандиозно проявилось во всей истории России. Результаты «строительства коммунизма» в советской России и Советском Союзе виделись и вдохновляли народ, в сущности, через действие в индивидуальном сознании идеи служения.

Надо видеть, что эта идея, - по сути, психологическая установка, соответствует и фундаментальным законам живых целостностей, в которых все структурно-функциональные единицы «служат» своему «отечеству», - которое рождает их, готовит к «служению» и обеспечивает продуктами, условиями жизнедеятельности. Это эволюционно организованное «служение» хорошо видно в ранних обществах – АСЖЦ, благодаря которому они выжили и прогрессивно развивались. Попытаемся далее частично развить эту системную аналогию, в контексте служения как фундаментального закона, что видится общественно актуальным и важным всегда, и особенно в современном обществе, с известными и невиданными ранее антиобщественными процессами в этом плане. С этой целью, ввиду узких рамок статьи, надо предложить читателю рассмотреть широкие и глубокие исследования труда и трудовых процессов, их организации в обществе ведущим социологом Ж.Т. Тощенко. Примечательно, что он, как и автор этих строк, исходил из исследований самой человеческой жизни, - однако, без использования системной методологии познания человека и общества [86]. Соответственно, в достаточно информативной (для рассматриваемой темы) статье [88, -2], он делает, например, такие выводы:

В разделе «**Оценка состояния и принципов построения методологических основ социологии труда**»:

«Таким образом, в настоящее время имеются различные трактовки сущности, содержания и структуры социологии труда, которые отражают различные подходы, обусловленные спецификой и особенностями не только данной концепции, но и авторского понимания социологии в целом. Этот разнобой не позволяет наметить и определить основные направления усилий в разработке социальных проблем труда, выявить те ключевые позиции, с которых возможно осуществить прирост нового знания. Для этого надо понять, почему так, а не иначе развивались теория и практика изучения и использования социальных ресурсов труда, как они обогащались, какие ситуации возникали при решении конкретных социальных проблем производства. А для этого надо ответить на вопрос - где та точка отсчета, которая должна быть положена в основу анализа социальных проблем труда? На наш взгляд, **как и для всей социологии, такой точкой отсчета является в широком смысле социология жизни** (человеческой жизни, - А.В.)**, а в узком - социология производства и труда, их социальные грани, которые образуют и создают образ и стиль трудовой жизни. В этом случае центральным звеном социологии труда становится человек, совокупные социальные резервы, которые скрыты в его сознании и поведении, в его социальной сущности как работника производства**».

С позиций системного познания становления и первичного развития человеческого общества, - как АСЖЦ, таковой начальной, исторической «точкой отсчета» является естественная организация осмысленных (целевых) движений (поведения) индивида, обусловленная фундаментальными законами «живых целостностей» (организма гоминида), которая впоследствии будет становиться всё более искусственной.

В завершении раздела «**Человек (работник) как субъект трудового процесса**» Ж.Т. Тощенко приводит следующий вывод:

«Хотелось бы отметить, что такая характеристика социологии труда коррелирует с трактовкой социологии как социологии жизни, не противопоставляет их друг другу, и наоборот, устанавливает их логическую соотнесенность, чего, к сожалению, иногда не бывает, когда характеризуется социология в целом и ее составные части.

Таким образом, **социология труда как специальная социологическая теория представляет собой органическое единство экономического (трудового) сознания и поведения (деятельности) людей как субъектов производственной жизни и производственной среды. Содержание социологии труда не конструируется произвольно - оно само отражает реально сложившуюся ситуацию: работник включается в трудовой процесс посредством реализации своего сознания, своей деятельности (поведения) в зависимости от условий окружающей его среды**».

Однако, современная социология, - судя по отечественным публикациям, не достигла еще необходимой методологической силы для исследований развития человеческой жизни, «труда» и общества, - о чем говорит и опубликованный Тезаурус методологии – [86], а в Тезаурусе-справочнике понятие *службы* вообще не рассматривается. Соответственно, в указанной и других публикациях труд человека не рассматривается как «форма служения», «трудового» содействия человека чему-либо, - в то время как тема «служения», то есть тема целевой направленности труда должна быть, на взгляд автора, центральной в Социологии (как науке), - по её предназначению. Причина существующего видения «труда» в социологии состоит, очевидно, в том, что она изучает, главным образом, современное общество (каким бы оно ни было), а не общественное развитие как таковое (всемирное, - этим занимается социальная философия). Соответственно, она упускает из внимания всемирный исторический процесс целевого расширения труда, - от сугубо «служебного» для АСЖЦ (по целям её надежного существования и развития в окружающей среде) к всё более разнообразному по целям, особенно после возникновения и развития товарно-рыночных и денежных отношений и соответствующих процессов во всем мире. Таким образом, целевая «служебность» труда, которая видится ещё в истории СССР, в современном обществе закрыта множественными яркими картинами разнообразной деятельности (обобщенно называемой социологами «трудом»). Надо заметить, однако, что «хрематичная» (по Аристотелю) деятельность тоже «трудная», часто составляет большой и напряженный труд. То есть необходимо, на взгляд автора, ограничить употребление в социологии термина *труд* и рассматривать классификацию *деятельностей*, от уровней труда (как биомеханической деятельности) до уровней умственной деятельности, с разделением всех деятельностей по критерию целесообразности для общества. Таким образом, видится общественно полезной переработка «социологии труда» в «социологию деятельности», с «системным подходом» [100]. Таковой подход покажет, прежде всего, то, что распределение деятельностей в обществе («разд. труда» по Э. Дюркгейму) произошло не только ввиду роста товарного производства, но и ввиду генно-психологического и –интеллектуального распределения свойств мозга человека в общественных условиях развития. Теперь мы хорошо видим это распределение деятельностей с детского возраста, в основном по эмоционально-изобразительным и интеллектуально-умственным направлениям (согласно функциональной асимметрии полушарий мозга и «доминантам» в мышлении – [92]). То есть тема общественно целесообразного распределения деятельностей, - особенно при демографическом кризисе, является перманентно важной для общества.

Здесь надо ограничиться, однако, рекомендацией читателям изучения в истории России и СССР выдающихся примеров личностного и массового служения Отечеству, во всех сферах и особенно в государстве. На иерархически высшем уровне служения сохраняет свою высокую

значимость, особенно в современный период, личность Петра I, его судьбоносная и высоко прогрессивная для России деятельность. Поэтому видится полезным приложить к данной статье выпуск журнала «Историк», посвященный этому выдающемуся, можно сказать, историческому Отцу России (данный выпуск включает также небольшую, но тематически важную статью о государственных причинах краха СССР).

Видится необходимым кратко рассмотреть и наиболее важные базовые процессы формирования единой психологической установки *общественно целесообразного служения* (функционально служащей, одновременно с морально-нравственными установками, единению народа в общественно целевом труде). Начнем, соответственно, с рождения и образования молодой «структурно-функциональной» Единицы общества – молодого гражданина (в общественно правовом понимании). Этот начальный этап в воспроизводстве объективно необходимого по количеству и характеристикам человеческого, жизнедеятельного содержания общества не требует особых рассуждений, с учетом опыта СССР, за исключением стадии профессионального образования, ввиду современных кризисных сложностей и общих технических возможностей. В плане стадий воспитания и общего образования надо лишь подчеркнуть положительный опыт. Конечно, в детях должны быть максимально (по генетическим задаткам) развиты все положительные для общественной деятельности характеристики: физические, психологические и интеллектуальные. И они должны быть достигнуты в соответствующих системах воспитания и образования независимо от денежного состояния родителей (в СССР выдающиеся деятели образовывались даже из беспризорников, из беднейших семей). Учебный курс «Обществознание», несомненно, должен включать основы гражданского права. Изучение этих основ видится необходимым и для осознанного заключения каждым молодым человеком «гражданского договора» (о правах и обязанностях гражданина, - по статьям обновленного «Гражданского кодекса»), - при получении паспорта, учитывая современное состояние молодых поколений и общества в целом.

Думается, общественно целесообразное (полезное для наиболее стремительного общественного развития) общее образование, с доминированием во всем общественном сознании идеи служения Отечеству, необходимо завершать выдачей нагрудного знака, - аналогично школьной традиции СССР, но с усилением, требуемым современностью – знак должен подчеркивать необходимый обществу уровень образования молодого гражданина, то есть гласить: «Готов(а) к службе Отечеству» - **ГСО**.

На стадии профессионального образования (в т. ч. научного, в вузе) молодой человек должен начинать уже служение в выбранных им сферах деятельности (совмещать его с профессиональным ростом, таковая практика уже существует в технических направлениях, в волонтерском движении).

Таким образом, известный вопрос Э. Фромма «Иметь, или быть?» в ходе соответствующих исследований жизни человека и общества, от её начал, уточняется до следующих базовых вопросов: «Что иметь, чем владеть и кому, чему служить?». Иными словами, какими потенциями, возможностями, компетенциями обладать и в каких направлениях, по каким целям выстраивать свою жизнедеятельность, - не только человеку, но и государству, как человеческому комплексу, и обществу в целом, - чтобы обеспечить надежное и благополучное развитие жизни в предстоящем и далеком будущем. Ответы на них, будучи функционально раскрытыми и распределенными государством по всем направлениям и структурам специализированных деятельностей должны обеспечить наибольший общественный прогресс в развитии.

В СССР первой половины 20 в. в решении вопросов данного характера использовался, кроме прочего, предельно обобщенный марксистский образ общества – «Базис – Надстройка» [27]. О соответствующем мышлении в экономическом, научно-техническом и культурном развитии рассказывает история. Итогом искусственной, «партийной» организации этого мышления явилась пресловутая «перестройка», начатая различными всенародными признаниями со стороны «надстройки», в том числе таким:

«Если говорить откровенно, мы ещё до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живём и трудимся…» (Ю.В. Андропов - [98, с. 124]). В аннотации к монографии С.Г. Кара-Мурзы приведено также краткое обобщение в этом плане:

«За XX век Россия пережила две катастрофы: государство и общество неверно оценивали противоречия и довели их до революций и Гражданской войны. Одна из главных причин непонимания социальных процессов – несостоятельность общественной науки как источника объективного знания. Последние 30 лет Россия вновь переживает глубокий кризис, а тысячи ученых внятно не могут объяснить, что происходит и куда всё катится.

Этот провал для страны опаснее, чем паралич естественных и технических наук. Поиск причин, изучение методологической платформы, на которой возникло и развивалось наше обществоведение, привели ученого к выводу, что в познавательной системе здесь преобладали (и преобладают поныне) не научные методы, а идеологические и этические подходы. Научное сообщество призвано искать истину, а не заниматься пропагандой или обличением. Создание такого, именно научного сообщества стало для России срочной и чрезвычайной задачей. Первый шаг – трезво и без гнева оценить состояние гуманитарной науки в нашей стране».

Высказывание Ю.В. Андропова отражало, очевидно, и общее интеллектуальное состояние ЦК в этом плане и в то же время было, очевидно, сигналом о необходимости перехода к новому мышлению. Как выяснилось позже, отечественное «обществоведение» действительно находилось в глубоком кризисе [50]. Как бы то ни было, но коренные (концептуальные) изменения вызвали, кроме прочего, и преобразование «партийного обществоведения» в «обществознание» приближенное к научным знаниям, - но с адаптацией к новой «рыночной» парадигме [40; 59]. Важно и то, что это преображение высшего для граждан и государства знания осуществлялось неадекватным образом – «сборным интеллектом» узкого сообщества преподавателей-обществоведов, -историков. В итоге прошедших десятилетий выяснилось, что и оно не обеспечивает общественно необходимое интеллектуально-психологическое образование молодых поколений. Соответственно, с прошлого года началась коренная переработка «обществознания» в «практично ориентированное», - судя по высказываниям в СМИ В. Мединского.

Таким образом, выясняется исторически перманентная интеллектуальная проблема человеческого общества, заключающаяся, на взгляд автора, в том, что наилучшие для общества ответы на приведенные выше и многие другие вопросы фундаментального характера должен выработать высший интеллект (обладающий адекватными знаниями и способностями), но он отсутствует еще в современном обществе, - как функционально адекватный институт, поскольку ввиду «разделения труда» разделялся и общественный интеллект. Он исторически распределился в общественном сознании по специализированным структурам, институтам, находящимся к тому же, в функциональном подчинении соответствующим государственным органам, учреждениям. Как показывает вся история «специализированного» развития человеческого общества, искусственный, - по формированию информационной базы, интеллект действительно предписан ему, эволюцией и общественным развитием человека, но в то же время предписана адекватность его (по содержанию базы и алгоритмам функционирования) фундаментальным законам и закономерностям человека и общества [17]. Однако, пока что учеными анализируется лишь «социальный интеллект» в составе общего интеллекта человека [82], - являющийся, по сути, интеллектом социализации. В то же время видится объективно необходимым, и думается, технически возможным уже формирование действительно социального (общественного) интеллекта, посредством сетевого развития «гражданского общества», - то есть интеллектуальное возвышение государственного комплекса посредством сетевого «слоя» мыслительных структур, образуемых адекватными акторами и развиваемых специализированными научными институтами. Некоторые проработки ученых в этом направлении уже сделаны [74; 79].

Из приведенного выше экспресс-обзора исторического развития по тематике указанных выше и других вопросов можно сделать следующее итоговое заключение. В истории человечества

на основе искусственного образования «рыночных» процессов обмена, соответствующих процессов накопления и использования богатств образовалась и закрепилась известная общемировая парадигма общественного развития называемая капиталистической (рыночной). Много позже, на основе исторических обобщений и политэкономических исследований К. Маркса и Ф. Энгельса была проектно сформирована иная парадигма, наиболее адекватная природе человека и общества, фундаментальным закономерностям их развития (по имевшимся в тот период знаниям о живой природе, человеке и обществе). Она была представлена политэкономическими концепциями ***социализма*** и ***коммунизма*** как двумя стадиями возвышения общества, во всем его содержании, относительно окружающего мира. Как показал великий опыт социализма, эта концепция, даже при известных промахах и заблуждениях в ее реализации, показала существенное преимущество над капитализмом, - как стремительным развитием всестороннего могущества СССР, так и в развитии каждого человека-гражданина, и особенно Великой Победой 1945 г. Это преимущество объясняется, в современном научном понимании, системностью в организации общей жизнедеятельности, её научно-техническим развитием (через системы образования «трудовых Единиц», обеспечения их жизненного и профессионального развития, и пр.). Этот опыт показывает также эволюционно-системное соответствие государства в главном – быть комплексом организационного и прочего управления общественным развитием, и иметь соответствующее право контроля труда и потребления общих ресурсов, - как общего, так и частного, индивидуального, а также право устанавливать общественно целесообразные направления труда, его цели и потребление в процессах их достижения, ограничения в индивидуальном потреблении. Теперь надо видеть и то, что системность в организации труда и потребления в СССР была недостаточно полной и научно развитой, - по многим, известным теперь причинам (см. историю политэкономии, историю НОТ). Тем не менее, социально-системная парадигма (в современном научном видении «социализма») обеспечивала в СССР, в отличие от рыночно-капиталистической, наиболее эффективное использование общих ресурсов развития, - особенно человеческих, для достижения всестороннего могущества страны в мировом сообществе.

Всемирный опыт показывает и наиболее существенное – определяющую зависимость общественного развития (включающего реорганизационные и организационные процессы) от государственного интеллекта (ЦИ АСЖЦ), то есть от организации и функционирования государственных систем. Современная динамика общественного развития, - реальная и объективно требуемая в мировом сообществе, логично требует и соответствующих изменений традиционных процессов формирования и функционирования этих систем, составляющих государственный комплекс. Еще в прошлом веке пришло понимание, что ожидание наилучшего «царя» (в лице госуд. лидера) должно остаться в историческом прошлом. Выдающиеся в том или ином направлении исторические личности-образцы должны осмысливаться теперь системно, как личности ЦИ АСЖЦ. Современный ЦИ (реализуемый пока известным образом) должен основываться, по всей исторической и системной видимости, на знаниях наиболее адекватных объективно требуемому состоянию общества в мировом сообществе, в текущих и прогнозируемых условиях окружающего мира. Это предписано эволюцией, - то есть развитие Человека и Общества поставлено ею в зависимость от развития животворного и теперь уже энерготехнического базиса, и так называемого интеллекта в *центральном комплексе управления жизнедеятельным движением (трудом), организацией движения в окружающей среде и окружающем мире*. Таким образом, классический (академический) познавательный образ «Базис - Надстройка» [27] должен быть наполнен в гражданском сознании (обществознании) не «партийным» содержанием [70] (и мн. др.), а эволюционно адекватным, исторически выработанным интеллектуальной деятельностью и выверенным многовековым опытом общественного развития.

В современный период стремительного усиления детерминации общественного развития развитием и распространением техно-интеллекта предельно обостряется существовавшая и ранее задача ЦИ и всего общественного интеллекта противостоять общественно вредным и опасным воздействиям этого сугубо искусственного интеллекта, - технически «зашоренного» интеллекта «командоров» - операторов. Обостряется и традиционная задача всеобщего общественного

просвещения (как и для ЦИ начала 20 века), - соответственно и научного возвышения обществознания, всеобщего познания закономерностей человека и общества, фундаментальных законов их развития, обусловленных всей эволюцией жизни на Земле [17].

Библиография

1. Александров И.О. Формирование структуры индивидуального знания. М.: Институт психологии РАН, 2006. 560 с.

2. Алексеев С.С., Архипов С.И., Корельский В.М. и др. Теория государства и права. Под общ. ред. проф. С.С. Алексеева. М.: Норма, 2004. 283 с.

3. Анохин П.К.: 1) Системогенез как общая закономерность эволюционного процесса // Философские аспекты теории функциональной системы. Избранные труды. М.: Наука, 1978; 2) Избранные труды: Кибернетика функциональных систем / Под ред. К.В. Судакова. Сост. В.А. Макаров. М.: Медицина, 1998. 400 с.

4. Анри Мишель. Идея государства. Критический опыт истории социальных и политических теорий во Франции со времени революции. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008. 536 с.

5. Артемова О.Ю. Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине (по австралийским этнографическим данным). М.: Наука, 1987. 200 с.

6. Атаманчук Г.В. Сущность государственной службы: история, теория, закон, практика: Монография. Изд. 2-е, доп. М.: Изд-во РАГС, 2008. 312 с.

7. Атаманчук Г.В. Проблемы управления и управляемости в обществе: Избранное / Г.В. Атаманчук. М.: Изд-во РАГС, 2011. 384 с.

8. Атаманчук Г. В. Теория государственного управления : учебник. М. : Изд. «ОмегаЛ», 2010. 525 с. — (Университетский учебник).

9. Афанасьев В.Г. Научное управление обществом (Опыт системного исследования). 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1973. 391 с. URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01007238585/

10. Белькинд Л.Д. Андре-Мари Ампер. 1775-1836. М.: Наука, 1968. 285 с.

11. Бернал Дж. Наука в истории общества. М.: Издательство иностранной литературы, 1956. 736 с.

12. Богданов А.: 1) Падение великого фетишизма. Вера и наука. М.: Издание С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1910. 347 с.; 2) Наука об общественном сознании. Книгоиздательство писателей в Москве. 1914. 221 с.

13. Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. В 2-х кн. / Редколлегия: Л. И. Абалкин (отв. ред.) и др. / Отд-ние экономики АН СССР. Ин-т экономики АН СССР. М.: Экономика, 1989.

14. Большой психологический словарь. Под ред. Б.Г. Мещерякова и В.П. Зинченко. М.: АСТ, Прайм-Еврознак, 2009. 816 с.

15. Бутовская М.Л., Файнберг Л.А. У истоков человеческого общества (Поведенческие аспекты эволюции человека). М.: Наука, 1993. 256 с.

16. Валовой Д.В.: 1) Экономика: Взгляды разных лет. М.: Наука, 1989.; 2) Экономика абсурдов и парадоксов: Очерки-размышления. М.: Политиздат, 1991. 431 с.

17. Васильев А.И. К осознанию законов «живой целостности» как эволюционно предписанных фундаментальных законов общественного развития // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.29430, 31.03.2025.

18. Васильев Александр. Рационализация общества: Очерки познания витасистемных оснований. Издательские решения (по лицензии Ridero), 2025. 222 с.

19. Васильев А.И. Системно осознать прошлое и настоящее, чтобы системно возвысить будущее! URL: https://csruso.ru (публ. 28.11.25).

20. Васильев А.И.: 1) Опыт и проблемы общественно целевого самопознания (системный взгляд) // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.29191, 26.10.2024; 2) Рационализация общества как объективно необходимая основа возвышения его могущества в окружающем мире // Там же. Эл № 77-6567, публ.29092, 16.08.2024.

21. Васильев А.И. Ценность, стоимость и прочие категории с позиций системного общественного самопознания / А.И. Васильев. - DOI 10.52957/22213260_2022_5_33. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2022 - №5. - С.33-43. - URL: http://www.theoreticaleconomy.ru (Дата публикации: 28.05.2022)

22. Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2008. 176 с.

23. Вебер Макс. История хозяйства. Очерк всеобщей социальной и экономической истории. «Наука и Школа». Петроград, 1923.

24. Величковский Б.М. Когнитивная наука : Основы психологии познания. В 2-х томах. М.: Смысл: Издательский центр «Академия», 2006.

25. Вернадский В.И. Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2010. 744 с. (Библиотека общественной научной мысли с древнейших времен до начала XX века).

26. Водомеров Н.К. Деньги в процессе становления и развития социализма / Н.К. Водомеров. - DOI 10.52957/22213260_2022_5_14. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2022 - №5. - С.14-32. - URL: http://www.theoreticaleconomy.ru (Дата публикации: 28.05.2022).

27. Глезерман Г.Е. Базис и надстройка в советском обществе. М.: Издательство Академии наук СССР, 1954. 348 с.

28. Глотов С.А., Алешкова И.А. Обзор Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «История государства и права в условиях новой научной рациональности» // Государство и право. 2023. № 1.

29. Глушков В.М. Макроэкономические модели и принципы построения ОГАС. М.: Статистика, 1975. 161 с.

30. Глушков В.М. Кибернетика. Вопросы теории и практики. М.: Наука, 1986. 488 с.

31. Гринин Л.Е.: 1) Государство и исторический процесс. Эпоха формирования государства: Общий контекст социальной эволюции при образовании государства. М.: КомКнига, 2007. 272с.; 2) Государство и исторический процесс: Политический срез исторического процесса. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 264 с.

32. Грэхэм Л.Р. Очерки истории российской и советской науки. М.: «Ялус-К», 1998. 312 с.

33. Добрынин Н.М. Государственное управление: Теория и практика. Современная версия новейшей истории государства: Учебник. Т. 1 / Н.М. Добрынин; Науч. ред. А.Н. Митин. Новосибирск: Наука, 2010. 407 с.

34. Ельмеев В.Я. Социальная экономия труда: общие основы политической экономии. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 576 с.

35. Железнов В.Я. Очерки политической экономии. 6-е изд., испр. и доп. Москва: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1908. 858 с.

36. Железнов В.Я. Экономическое мировоззрение древних греков. Изд. 2-е. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 257 с.

37. Железнов В.Я. и др. К теории денег и учета. Петроград-Москва, 1922. 166 с. -

1) В.Я. Железнов. Роль денег в товарообмене.

2) З.С. Каценеленбаум. Проблема денег и оценки в социализме.

3) А.А. Соколов. Социалистическое хозяйство, цена и деньги.

4) К.Ф. Шмелев. Основные вопросы учета в государственном хозяйстве пролетариата.

38. Жоль К.К. Социология (в систематическом изложении). Учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юнити-Дана, 2004. 431 с.

39. Жувенель Бертран де. Власть. Естественная история ее возрастания. Пер. с франц. В.П. Гайдамака и А.В. Матешук. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2011. 546 с.

40. Журнал «Преподавание истории и обществознания в школе». 2024. № 5.

41. Идеология и наука. Дискуссии советских ученых середины XX века / Отв. ред. А.А. Касьян. М.: Прогресс-Традиция, 2008. 288 с.

42. Идеология: социальная теория и практика. Монография. / Под ред. А.В. Жукоцкой. М.: ООО «Социальный проект», 2017. 208 с.

43. Ильинский И.М.: 1) "Перестройка" как заговор. Кн. 1: Истина против мифов. Изд-во Московского гуманитарного ун-та, 2024. 311 с.; 2) "Перестройка" как заговор. Кн. 2: А. Яковлев, М. Горбачев, Э. Шеварнадзе / Там же. 2024. 503 с.

44. История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. Отв. ред. Ю.В. Бромлей. М.: Наука, 1983. 432 с.

45. История первобытного общества. Том 2. Эпоха первобытной родовой общины. Отв. ред. Ю.В. Бромлей. М.: Наука, 1986. 574 с.

46. История социалистических учений. Сб. статей. Отв. ред. Б.Ф. Поршнев. М.: Наука.1964. 496 с.

47. Кабо В.Р. Первобытная доземледельческая община. Москва: Наука, 1986. 303 с.

48. Кабо В.Р. Круг и крест. Размышления этнолога о первобытной духовности. Канберра: Алчеринга, 2002.

49. Калинченко С., Филимонова Е., Гринева С. и др. Духовно-нравственное и героико-патриотическое воспитание в образовательном процессе патриотических объединений. Методический сборник. М.: Военно-патриотический центр «Вымпел», 2015. 296 с.

50. Кара-Мурза С.Г. Российское обществоведение: становление, методология, кризис. М.: ООО «ТД Алгоритм», 2016. 480 с.

51. Катасонов В.Ю.: 1) Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации». М.: Институт русской цивилизации, 2013; 2) Россия и Запад в XX веке: История экономического противостояния и сосуществования / Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2015. 736 с.; 3) Пора возвратиться домой! Становление капитализма в России как история «экономических провалов». По воспоминаниям русского промышленника и купца Василия Александровича Кокорева / Отв. ред. Н. Бойко. М.: Издательство «Родная страна», 2017. 536 с.; 4) Россия ростовщическая. Банковские преступления от Российской Империи до Российской Федерации. М.: Книжный мир. 2020.

52. Кликс Ф. Пробуждающееся мышление. У истоков интеллекта. Монография, М.: Прогресс, 1983.

53. Кнорринг В.Г. История и методология науки и техники. Информационная сфера человеческой деятельности с древнейших времен до начала XVI века. Учебное пособие. СПб: Изд-во Политехнического ун-та, 2013. 352 с.

54. Колосова Е. А. Интеллигенция и общественный договор // Социологические исследования. 2024. № 6. С. 149-151.

55. Конт Огюст. Дух позитивной философии. Слово о положительном мышлении. Пер. с фр. И.А. Шапиро. Ростов-на-Дону: Феникс, 2003. 256 с.

56. Конфисахор А. Г. Психология власти. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Питер, 2004. 235 с.

57. Концепция «общества знания» в современной социальной теории: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии; Отв. ред. Д.В. Ефременко. М., 2010. 234 с.

58. Кулешов А.В. Лекции по метафизике общественного развития. Учебное пособие. Praha : Premier Publishing, 2023. 472 с.

59. Лазебникова А.Ю., Иванова Л.Ф. Как создавалось современное школьное обществознание // Отечественная и зарубежная педагогика. 2018. Т.2, № 1(47). С. 79–90.

60. Леви-Стросс Клод. Структурная антропология. М.: Главная редакция восточной литературы, 1985. 399 с.

61. Леви-Стросс Клод. Первобытное мышление. М.: Республика, 1999. 384 с.

62. Лейбниц Готфрид. Труды по философии науки. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 178 с.

63. Либерализм и социализм. Запад и Россия. К 200-летию со дня рождения А.И.Герцена / Сб. ст. под ред. М.И. Воейкова. М.: Ленанд, 2013. 338 с.

64. Лихтенштадт В.О. Гёте. Борьба за реалистическое мировоззрение. Редакция и предисловие А. Богданова. Петербург: Государственное издательство. 1920. 500 с.

65. Малиновский Б. Научная теория культуры. Пер. с англ. И. В. Утехина; сост. и вступ. ст. А.К. Байбурина. 2-е изд., испр. М.: ОГИ, 2005. 184 с.

66. Маркарян Э.С.: 1) Вопросы системного исследования общества. М.; Знание, 1972; 2) Интегративные тенденции во взаимодействии общественных и естественных наук. Отв. ред. Д.И. Дубровский. Ереван. Изд. АН Арм. ССР. 1977; 3) Теория культуры и современная наука: (логико-методол. анализ). М.: Мысль, 1983.

67. Мау В.А. Государство и экономика: опыт экономических реформ. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2017. 624 с.

68. Образ Родины: содержание, формирование, актуализация 2024. Материалы VIII Международной научной конференции (Москва, 19-20 апреля 2024 г.). — М.: МХПИ, 2024. 1034 с.

69. Обществоведение. В 6-ти томах. Под ред. Н.Г. Тарасова. Л.: «Сеятель», 1923-1926.

70. Обществоведение: Учебник для выпускного класса сред, школы и сред. спец. учеб. заведений / Шахназаров Г. Х., Боборыкин А. Д., Красин Ю. А., Суходеев В. В. 20-е изд. М.: Политиздат, 1982. 320 с.,

71. Осипов Г.В., Кара-Мурза С.Г. Общество знания. История модернизации на Западе и в СССР. М.: Либроком, 2013. 368 с. — (Будущая Россия).

72. Основы социального управления: Учебное пособие / А.Г. Гладышев, В.Н. Иванов, В.И. Патрушев и др. Под ред. В.Н. Иванова. М.: Высш. шк., 2001. 271 с.

73. Резник Ю.М. Введение в социальную теорию. Социальная системология. М.: Наука, 2003. 525 с.

74. Рождение коллективного разума: О новых законах сетевого социума и сетевой экономики и об их влиянии на поведение человека. Великая трансформация третьего тысячелетия / Под ред. Б.Б. Славина. М.: ЛЕНАНД, 2014. 288 с.

75. Рыжов Б.Н. Системная психология. Второе издание М.: Т8 Издательские Технологии, 2017. 356 с.

76. Сакрализация власти в истории цивилизаций. Части I, II, III. Отв. редакторы: Д.М. Бондаренко, Л. А. Андреева, А.В. Коротаев. М., 2005. 447 с.

77. Симонян Р.Х. Социальная философия, обществознание или генералистика: к проблеме кризиса социологии // Вопросы философии. 2021. № 3. С. 29–40.

78. Скаткова В.Ю. Идеология государства как двигатель экономического развития страны на примере СССР // Философия хозяйства. 2024. № 1. С. 86—97.

79. Славин Б.Б. Эпоха коллективного разума: О роли информации в обществе и о коммуникационной природе человека. М.: ЛЕНАНД. 2013. 320 с.

80. Сорокин В.В. Теория государства и права переходного периода. Учебник для вузов. — Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2007. 510 с.

81. Социальная реальность и социальная мифология (от социальной реальности неолиберализма - к социальной реальности) / Сост.: С.Г. Карепова, С.В. Климовицкий. М.: Вече, 2019. 336 с.

82. Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. 176 с. (Труды Института психологии РАН).

83. Социологическая мысль в России: Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX – начала XX века. Под ред. Б.А. Чагина. Л.: Наука, 1978. 210 с.

84. Тезаурус социологии: темат. слов.-справ. / под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. 487 с.

85. Тезаурус социологии. Кн. 2. Методология и методы социологических исследований: темат. слов.-справ. / под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. 415 с.

86. Токарев С.А.: 1) . Религии у разных народов в прошлом и настоящем. М.: Знание, 1961. 33 с.; 2) Ранние формы религии. М.: Политиздат, 1990. 622 с.

87. Тощенко Ж.Т.: 1) Социология жизни как концепция исследования социальной реальности // Социол. исслед. 2000. № 2; 2) Предмет и структура социологии труда // Социол.

исслед. 2003. № 3. С. 48-58.; 3) Социология власти: генезис идей // Социол. исслед. 2004. № 7; 4) Социология труда: опыт нового прочтения. М.: Мысль, 2005.

88. Тошенко Ж.Т., Цветкова Г.А. Социология труда. Учебник для вузов. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2012. 464 с.

89. Урсул А.Д. Феномен ноосферы: Глобальная эволюция и ноосферогенез. М.: ЛЕНАНД. 2015. 336 с.

90. Утопия и утопическое мышление: антология зарубежн, лит. Пер. с разн. яз. / Сост., общ. ред. и предисл. В.А. Чаликовой. М.: Прогресс, 1991. 405 с.

91. Ухтомский А.А. Избранные труды. Л. Наука, 1978. 371 с.

92. Хабриева Т.Я., Арзамасов Ю.Г., Баранов В.М. и др. Теория государства и права в науке, образовании, практике. Монография. М.: Юриспруденция, 2016. 480 с.

93. Чистый М.Б. «Социалистическая перестройка»: миф или упущенная возможность? Круглый стол. URL: https://csruso.ru (публ. 07.04.25)

94. Штер Н. Общества знания / пер. И.Т. Касавина. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2025. 206 с. (Серия «Lumen culturae»)

95. Штер Нико, Адольф Мариан. Знание - сила? Что мы знаем о знании. Санкт-Петербург: Алетейя, 2017. 256 с.

96. Штер Нико. Информация, власть и знание / Н. Штер. СПб.: Алетейя, 2019. 572 с.

97. Шубин А.В. Золотая осень, или период застоя СССР в 1975—1985 гг. М., 2007.

98. Эфроимсон В.П. Родословная альтруизма (Этика с позиций эволюционной генетики человека). // Новый мир, 1971, №10.

99. Юдин Эрик. Методология науки. Системность. Деятельность. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 440 с.

Приложение

Петр Первый // «Историк». 2022. № 6 (90). Избр. текст в формате PDF